

Моральные ценности – разновидность ценностей, так что понимание морали предполагает понимание того, что такое ценности вообще. Прежде всего, ценности – это не то, что мы находим, это то, что мы творим; так что предмет моего внимания – процесс *оценки* того, что мы как животные *совершаем*. Откликаясь на понижение уровня энергии, собака ценит еду; присутствие лисы не является ценностью для белки, при виде лисы белка ценит возможность взобраться на ближайшее дерево. Так же и люди оценивают вещи вследствие включения каких-то внутренних механизмов, которые могут представлять собой сложные комбинации текущих стимулов, памяти и понимания своего внутреннего состояния.

Мы инстинктивно оцениваем то, что отвечает (или не отвечает) нашим определенным биологическим целям (выживание, воспроизводство и т.п.), однако мы, несомненно, способны противостоять им или переориентироваться на другие ценности и часто чувствуем, что нам именно так и следует делать. Мы также можем ценить то, что незнакомо нам и что не имеет очевидного отношения к биологическим целям. Такие невероятные экзистенциальные возможности ведут к моральному вопросу о том, какие ценности нам следует принять, поскольку, как следует из опыта наиболее творческой жизни, равно как и наиболее отвратительных преступлений, нет никакой физической или психологической силы, которая бы принуждала нас вообще принимать или отвергать какие-либо ценности.

Сама по себе идея, что в принципе *все* может быть предметом оценки, склонила некоторых исследователей к субъективистскому взгляду, согласно которому моральные ценности ничем объективно не ограничиваются. Другие полагают, что объективность может быть сохранена, если мы предположим, что моральные ценности являются объективными сущностями, воспринимаемыми нами; но такой подход встречает непреодолимые трудности.

Я же полагаю, что моральные ценности – это мыслительные ценности, ценности высшего порядка², на основе которых оцениваются другие ценности, точ-

¹ Скот Форшлер защитил докторскую (PhD) диссертацию по философии в Миннесотском Университете. Предмет его специального научного интереса – моральные основания практического мышления и природа принципов универсальности и супервенции в морали.

² Мыслительным состоянием высшего порядка (убеждением или ценностью) является такое, предмет которого – содержание другого мыслительного состояния; это отличает их от мыслительных феноменов первого уровня, предметом которых являются другие вещи. Мое убеждение в том, что солнце желтое или оценка вкуса

нее, *ответные ценностные установки* (*valuational response dispositions*), также называемые принципами или правилами (*maxims*). Это установки, выражающиеся в том, что некоторого рода факты оцениваются определенным образом. Ценности высшего порядка, которые я имею в виду, не следует путать с ценностями первого порядка, которые представляют собой всего лишь продукт или ответную часть установки. Они оценивают саму установку, стремление при некотором стечении обстоятельств поступать определенным образом.

Когда мы искренне выносим такую оценку, она направлена на установки первого порядка, *чего бы они ни касались*: а именно, мы оцениваем агента в данных обстоятельствах, представляющие соответствующие ценности и стремящегося к ним. Или, по-другому, наша оценка ценностного выбора некоего агента супервенциальна¹ по отношению к обстоятельствам, в которых находится агент. Мы должны высказывать одинаковые ценностные суждения (не важно, одобрительные или осудительные) независимо от того, кого мы оцениваем в данных обстоятельствах. В противном случае мы вообще не сможем высказывать ценностные суждения высшего порядка относительно установок первого порядка.

Это показывает, что оценки высшего порядка неявно включают в себя принцип моральной супервенции, также называемый *принципом всеобщности* (*universalization*). Его разновидности можно обнаружить в золотом правиле, юмовской «общей точке зрения»², кантовском категорическом императиве, хабермасовском «У-принципе»³, принципе Алана

мороженого представляют собой мыслительные состояния первого уровня; мое убеждение в том, что мои убеждения верны или мое желание перестать быть любителем мороженого (поскольку оно полнит) представляют собой мыслительные состояния первого уровня.

¹ Термином «супервенция» (англ. *supervenience*) обозначается отношение между качествами (А и В), между объектами (А и В) или группами объектов (А и В), при котором В обуславливает, или задает А. Иными словами, А супервенциально по отношению к В тогда, когда В задает, или обуславливает А. См.: *Forschler S. From Supervenience to "Universal Law": How Kantian Ethics Become Heteronomous // Kant Yearbook. 2012. № 4. P. 49–67; Hare R. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 151–163. — Прим. пер.*

² «General point of view». См.: Трактат о человеческой природе; пер. с англ. С.И. Церетели // Д. Юм. Соч. В 2 т.; вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996. Т. 1. С. 611–628. — Прим. пер.

³ «*Universalisierungsgrundsatz U*». См. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие; пер. с нем.; под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. С. 90–119. — Прим. пер.

Гевирта¹, а также во многих других теоретических версиях этого фундаментального морального принципа. Его часто защищают как интуитивно правдоподобное моральное требование, повелевающее уважать других и заботиться о ценностных предпочтениях других так, как мы заботимся о своих, поскольку с нашей стороны было бы неразумным не желать от других такого же отношения к себе независимо от того, какие именно у нас ценности первого порядка.

Все версии принципа универсализации нередко подвергаются критике как слишком слабые в качестве базиса для морали, поскольку легко представить человека, отстаивающего особенные ценностные установки, широкое принятие которых будет полезно исключительно ему одному в ущерб ценностям многих других людей. По каким-то причинам редко обращают внимание на то, что эта схема с особенными установками воплощает установку высшего порядка на само-предпочтение (*self-privileging*), но никто не может на разумных основаниях (даже на более высоком уровне) одобрить других, отдающих приоритет исключительно собственным предпочтениям. Однако стоит только применить принцип универсальности ко *всем* нашим ценностным установкам на любом уровне мышления, возможные контр-примеры такого рода разлетаются в прах.

Так что выражение «*X морально ценно*» означает «*X может быть оценен рекурсивно*²», т.е. мы можем последовательно и неизменно оценивать *X* по достоинству, оценивать свой выбор, оценивать по достоинству и оценивать наше оценивание нашего оценивания и т.д. Не надо бояться запутаться в этом. Конечно, при таком подходе сохраняется опасность сбиться и потерять ясность, но всегда остается возможность получить представление о наших (а, возможно о чужих) мотивах на первых уровнях, достаточное для понимания того, беспристрастны ли мы в отношении себя и можем ли принимать решения непредвзято. Нет нужды подтверждать свое впечатление, бесконечно возвышаясь по цепи оценок, достаточно взглянуть на разбираемую ситуацию со следующего уровня и, возможно, еще одного, чтобы понять, что результат будет одинаковым – положительным или отрицательным.

Моральные ценности – не обязательно более «сильные», чем другие ценности, нередко они попираются эгоистическими ценностями. Но в то же время мы сами понимаем, что ни за что не одобрим свои эгоистические действия (поскольку мы не можем одобрить и других, поступающих так же), и это понимание в форме со-

¹ «Principle of Generic Consistency». См.: *Gewirth A. Reason and Morality*. Chicago : The University of Chicago Press, 1978. P. 129–198. – *Прим. пер.*

² *Recursively* (англ.) – здесь: обратно, возвратно (обоюдно). – *Прим. пер.*

вести воздействует на наше поведение; она гложет нас, как вода подтачивает камень, и не позволяет расслабиться. Мы логически не можем одобрять всецело свое аморальное поведение, и настойчивость совести способствует сохранению последовательности в мысли. Иногда мы ошибочно думаем, что действие совести предшествует логике мышления и объясняет ее, но на самом деле наоборот.

К сожалению, мы научились вводить в заблуждение себя и других относительно того, что оценочные действия носят универсализуемый характер, а между тем это не так, если не ограничивать наше внимание именно теми ценностями, которые могут быть универсализованы, и не игнорировать те, которые оправдывают личные интересы в ущерб чужим интересам, в особенности когда ущерб наносится совершенно незнакомым нам людям. Эти мыслительные трюки оказываются возможными благодаря *рационализации*, которая составляет темную сторону универсализации, своего рода волк в овечьей шкуре. Когда А. Франс посмеялся над «равенством» перед законом, одинаково запрещающим богатым и бедным спать под мостами, он увидел исключительную претензию «универсального» правила способствовать интересам одной социальной группы и одновременно игнорировать ущерб, причиняемый другим. Нам не отделаться от философских и практических опасностей рационализации, поскольку наша рациональность хрупка и несовершенна. Если у морали и есть логика, то лишь тогда, когда мы, философы, понимаем, как помочь людям, а стало быть, и самим себе, выявлять свои неявные установки высшего уровня и на основе этого смотреть на них, как в зеркало, и судить о них без экивоков. Только тогда мы сможем предложить им действительный путь к моральному обновлению.

Перевод с английского Р. Апресяна

А.Г. Гаджикурбанов¹

Мораль представляет собой особый способ человеческого существования, определяемый в терминах перехода человека из состояния меньшего совершенства к состоянию большего совершенства его природы.

Термин «способ человеческого существования» обозначает некоторую метафизическую реальность, или форму человеческого бытия. Вместе с тем моральный

¹ Аслан Гусаевич Гаджикурбанов — кандидат философских наук, автор книги «Антропология Августина и античная философия», доцент кафедры этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.